

УДК 316.752.4

В.Г. ВОЛЬВАЧ,
доц., г. Омск, Омский экономический институт

ИДЕОЛОГИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В КРИТИЧЕСКИЕ ПЕРИОДЫ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Ключевые слова: русская идея, социальная справедливость, национальные ценности, православная цивилизация.

Статья по социальной философии, посвящена изменениям национальной идеологии, в основе которой лежит идея социальной справедливости, в революционные периоды 1917 и 1990 гг.

The Keywords: russian idea, social fairness, national value, orthodox civilization.

The Article on social philosophy, is dedicated to change to national ideology, in base which lies the idea to social fairness, at revolutionary periods 1917 and 1990.

Двадцатый век в истории России еще долго будет предметом пристального исследования и социальных философов, и историков, и социологов, поскольку по средоточию коренных перемен не имеет себе равных. В данном случае под революционным процессом мы понимаем, говоря словами В.В. Розанова, перемещение "центров нашей исторической жизни", в ходе которого происходит "изменение именно носимой идеи при сохранении одной и той же народности и того же политического организма; здесь, таким образом, является намек как бы на вечное развитие содержания в жизни одного развивающегося. И в самом деле, в Киеве, в Москве, на берегах Невы, Россия являлась отрицающей себя самое, и притом окончательно и во всех подробностях прошлого бытия своего"¹.

Таковыми событиями, в ходе которых Россия отрицала себя самое "во всех подробностях прошлого бытия своего", безусловно были перевороты 1917 и 1990 гг. Осмысление изменений, которые произошли в национальном самосознании в эти периоды, находится сейчас в центре общественного сознания, по крайней мере той социальной категории, которая называет себя интеллигенцией.

Достаточно продуктивным в этой связи выглядит точка зрения, согласно которой, эти изменения следует рассматривать в аспекте долговременных исторических взаимоотношений России и Европы, а точнее столкновения и взаимодействия двух несопадающих ценностных рядов, характерных для славянской и европейской цивилизаций.

Судя по обсуждению дискуссионных проблем, два вопроса не дают покоя нынешнему поколению интеллектуалов, которые относят себя к современной разновидности славянофилов так называемым "почвенникам". Первому гамлетовскому для патристического сознания вопросу скоро будет ровно девяносто лет. Его, в частности, озвучил со страниц "Литературной газеты" философ А. Ципко: "Как произошло то, что

народ, который Достоевский - как это казалось до сегодняшнего дня - справедливо называл "народом-богоносцем", народ, проникнутый достойными уважения древними традициями, который в прошлом рассматривали в качестве главной опоры консерватизма в Европе, вдруг поменял свое мировоззрение и вместо своего святого и Богом данного царя избрал своими вождями и властителями западноевропейских социалистов?"². Второй вопрос еще актуальнее, хотя с первым он связан неразрывно: как получилось, что в 90-е гг. народ опять-таки "поменял свое мировоззрение" и на этот раз отверг духовных наследников "западноевропейских социалистов", но пошел почему-то не за "русопятами", а за еще более западноевропейскими, на этот раз капиталистами?

Несмотря на то, что вопросы эти за версту отдают так называемой "интеллигентщиной", к ним стоит отнестись внимательно. Конечно, российская интеллигенция любит сначала выдумать себе "народ", чтобы потом иметь возможность мучиться догадками: почему реальный народ поступает совсем не так, как логично поступать выдуманному? В данном случае возникает подозрение, что слова "народ пошел" не вполне отвечают историческим реалиям. Скорее, можно утверждать, что не народ пошел за западноевропейскими социалистами, а интеллигенция пошла за ними. Однако, как мимоходом заметил Н. Бердяев в своей работе, посвященной критике книги В. Розанова, "невозможно всё в жизни русской интеллигенции отнести на счет "Бюхнера и Молешотта", "Маркса и Энгельса". Ни Маркс, ни Бюхнер никогда не сидели глубоко в русской душе, они заполняли лишь поверхностное сознание"³.

Все революции в истории всегда происходили по единственной причине: власть предрержащие переставали быть выразителями национальных интересов. Интереснее другое - как менялись эти самые интересы и в начале и в конце XX в.

С высоты сегодняшнего дня первый вопрос - насчет "западноевропейских социалистов" - требует некоторого уточнения. Во-первых, большие сомнения вызывает шаблонное утверждение о том, что под воздействием западноевропейских социалистических теорий, в частности, учения Маркса, народ "поменял свое мировоззрение". Если этот избитый уже стереотип не принимать на веру, а попытаться в нем разобраться, то он вызывает прежде всего недоумение. Во-первых, учение Маркса, как целостная идеология, всей своей внутренней логикой доказывало, что крестьянская Россия с недоразвитым капитализмом - это вообще не та страна, где в обозримом будущем может победить коммунизм. И если бы "западноевропейские социалистические теории" в нетронутом, оригинальном виде могли бы быть доведены до каждого коренного русского человека, то вряд ли революция могла вообще совершиться.

Не могли быть эти идеи доведены до каждого коренного русского человека, в силу того, что этот человек был настолько неграмотен, что понять сердцевину марксизма - учение о прибавочной стоимости, которое Маркс с немецкой педантичностью наполнил формулами, расчетами, цепочками логических умозаключений, опирающихся на теории Адама Смита, Рикардо и многих других ученых мужей, - повторять, понять это было невозможно без университетского образования, и не могли именно эти идеи овладеть массами. Можно смело утверждать: не овладели и после, вплоть до второго пришествия Великой Смуты. И большевикам, собственно говоря, истинный марксизм был не нужен - именно потому, что эти идеи были неприменимы в России. Им был нужен только новый символ, новое знамя, в руках с которым они могли возглавить толпу и повести ее в нужном направлении.

Здесь надо сделать оговорку об одной выразительной черте русского национального характера, которую ярко подметил Ф.М. Достоевский словами князя Мышкина: "Наши как доберутся до берега, как уверуют, что это берег, то уж так обрадуются ему, что немедленно доходят до последних столпов; отчего это? ... И не нас одних, а всю Европу дивит в таких случаях русская страстность наша: у нас коль в католичество перейдет, то уж непременно иезуитом станет, да еще из самых подземных; коль скоро атеистом станет, то непременно начнет требовать искоренения веры в Бога насильем, то есть, стало быть, и мечом! Отчего это, отчего разум такое исступление? Неужто не знаете? Оттого, что он отечество нашел, которое здесь просмотрел, и обрадовался; берег, землю нашел и бросился ее целовать! Не из одного ведь тщеславия, не все, ведь, от одних скверных, тщеславных чувств происходят русские атеисты и иезуиты, а и из доли духовной, из жажды духовной, из тоски по высшему делу, по крепкому берегу, по родине, в которую веровать перестали, потому что никогда ее и не знали! Атеис-

том же так легко сделаться русскому человеку, - легче, чем всем остальным во всем мире! Но наши не просто становятся атеистами, а непременно уверуют в атеизм, как бы в новую веру, никак и не замечая, что уверовали в нуль. Такова наша жажда!"⁴.

То что словами своего героя Достоевский обозначает как "жажда духовная", есть одна из самых существенных, самых фундаментальных черт русского национального характера. В периоды стабильного, устойчивого развития эта черта иногда не проявляет себя достаточно ярко, уходя на второй план под воздействием текущих проблем сугубо прагматичного свойства. Но во времена национальных кризисов, когда ускоряются и обостряются все процессы формирования национального самосознания, когда вдруг на первый план выходят извечные русские вопросы, главным из которых является вопрос "Кто мы?", тогда эта жажда духовная выходит на историческую авансцену, предопределяя главное в поведении русского человека. А главное заключается в том, что при реализации социальных интересов для русского человека важной была не только достижимость этих интересов, так сказать, конечный результат в своем количественном измерении, но и как, какими средствами, на основе какой духовной идеи этот результат достигается.

Один из самых ярких философов современности А.С. Панарин в своем фундаментальном труде "Православная цивилизация в глобальном мире"⁵ подчеркивает коренное отличие российской ментальности от европейской, обозначая первую как "цивилизацию дарения" в отличие от второй, определяемой как "цивилизация обмена". Для этой ментальности всегда было важно, не СКОЛЬКО материальных благ внутри этого общества будет распределяться, а КАК они будут распределяться. Именно поэтому, когда в 1917 г. для торжества нового верования толпа собралась и отвергла прежних вождей, западноевропейские социалисты были здесь абсолютно ни при чем. Из марксистской науки были выхвачены и усвоены только некоторые выводы, которые и стали знаменем революции. Этим знаменем стало восприятие коммунизма как СПРАВЕДЛИВО устроенного общества в противоположность тому обществу, которое в 1917 г. уже воспринималось как тотально НЕСПРАВЕДЛИВОЕ. Гармоничное общество может быть только обществом справедливым, основанным на праведности бытия, а всеобщее материальное благополучие - это уже вопрос второй, - эта идея пронизывала всё национальное самосознание и влияла на совокупность социальных отношений, в том числе сугубо экономических. "Вопрос о хлебе есть для меня вопрос материальный, - писал Н. Бердяев, - но вопрос о хлебе для моих ближних, для всех людей, есть духовный, религиозный вопрос ... Не хлебом единым будет жить человек, но также и хлебом, хлеб должен быть для всех. Общество должно быть организовано

так, чтобы хлеб был для всех и именно тогда, именно духовный вопрос предстанет перед человеком во всей своей глубине. Недопустимо основывать борьбу за духовные интересы и духовное возрождение на том, что для значительной части человечества хлеб не будет обеспечен"⁶.

Большевики оседлали вековую русскую национальную мечту о ПРАВЕДНОЙ земле, той самой, о которой говорил горьковский Лука в пьесе "На дне". В отличие от своих многочисленных критиков и идеологических ниспровергателей, они не опоздали, не извратили, не высмеяли этот "природный" коммунизм русского мужика, а классовым чутьем угадали его глубинную суть, - и не ошиблись. Это и сдетонировало, и так бабахнуло, что всему миру мало не показалось.

В.В. Розанов, как об этом говорилось выше, почувствовал незадолго до смуты разрыв с западноевропейской традицией. И разве он был не прав? Разве страна "отдельно взятого социализма" не замкнулась, не отгородилась от Европы вместе со всеми ее социалистами? Если бы в 1917 г. народ действительно пошел за "западноевропейскими социалистами", не логичнее ли было идти за ними и дальше?

Так что все измышления по поводу того, что Великий Октябрь - результат чужеродных для русского национального духа идей - это и есть русский миф, развенчать которые так хотят некоторые мыслители.

Так какой же увидели русские в 1917 году коммунистическую идею, каким представилось им СПРАВЕДЛИВОЕ общество? Они ведь только это из всех многомудрых построений Маркса и ухватили: мир нынешний несправедлив, поскольку позволяет одним быть счастливыми за счет других. И второе: коммунизм - это общество, где никому нельзя будет хорошо жить за счет другого.

"Сколь бы разрушительны и свирепы ни были проявления русской революции, как бы ни попирала она всякую свободу и всякую справедливость, - писал И.А. Ильин, - мы не должны упускать из вида, что русский народ пошел за большевиками в смутных и беспомощных поисках новой справедливости. "Старое" - казалось ему несправедливым; - "новое" манило его "справедливостью". К этому присоединились, конечно, и не благие побуждения: жадность, мстительность, злоба, честолюбие и т.д.; но за потакание этим страстям русский народ был жестоко, невообразимо наказан самой революцией. И вот, верно понять революцию значит понять ее не только как наказание злой воли, но и как заблуждение доброй воли. И вывести русский народ из революции сумеет лишь тот, кто вернется к первоначальным поискам справедливости и восстановит эту старую традицию русской души и русской истории"⁷.

Конечно, Маркса умело интерпретировали большевистские идеологи, то есть именно так, чтобы только эта идея и осталась. Но самих большевиков, как и Маркса, а заодно и менталитет русского народа так

интерпретировали их враги, что в сознании прочное место заняли пошлые стереотипы, которые также превратились в русские мифы.

Народ никогда не считал коммунизм "равенством в нищете", как никогда не считал сам по себе аскетизм добродетелью. Да, действительно, отдать имущество бедным и уйти в монастырь всегда считалось духовным подвигом, а подавать милостыню нищим и юродивым - нравственным долгом. С европейской, - подчеркиваю, - с европейской, чисто протестантской точки зрения это означало пренебрежение к материальным благам и труду, поощрение лодырей, бродяг, неудачников.

Протестантская этика, так хорошо проанализированная в трудах М. Вебера, и православная этика одинаково относятся к несправедливо нажитому богатству, но по-разному толкуют спасение души. Протестанты считают, что спасение души в призвании, то есть в том деле, что Бог предназначал тебе произвести на земле. Следовательно, спасение души в протестантизме - личное дело каждого отдельного индивида. То есть, согласно протестантской этике спастись может любой человек независимо от тех грешников, что находятся рядом - если спасающийся честно служит своему призванию.

Православная этика спасение души видит в служении Божественной истине, осуществлении закона Божьего, следовательно, спасение души уже как бы является делом не отдельного человека, а всего общества. Спасается душа подающего милостыню, а не того, кто ее принимает, возвеличивается жалеющий юродивого, а не сам юродивый, и отдается имущество бедным не из-за презрения к самому имуществу, к трудам, коими оно получено, а потому что, по большому счету, не может спастись человек, могущий помочь ближнему, и не помогший, могущий исправить несправедливости несовершенного общества, и не исправивший.

Отсюда и второй досужий миф - о стремлении к имущественному равенству как насильственному уравниванию в результате доминирования социальной зависти в национальном характере русских.

Если протестант допускает мысль о богоугодности человека, его душа измеряется в том числе и накопленным богатством, если таково его призвание на земле, то православная этика очень четко отделяет мирское от духовного, и перед лицом Бога все равны, и вельможа, и нищий. Большевики взяли на вооружение мечту о коммунизме, как справедливом обществе, но они же заложили в основание мечты свое будущее поражение, обусловив полное осуществление этого общества наличием врагов, а не своим собственным духовным несовершенством.

На весь XX в. нам врагов хватило. Когда враги кончились, стало ясно, что СПРАВЕДЛИВОГО общества построить так и не удалось. Является ли то общество, что рождается на наших глазах, более справедливым,

чем предыдущее? Это главный вопрос для нашей национальной идеи, и он пока открыт.

Можно ли примириться с тем, что сегодняшнее нарождающееся благополучие зиждется на ограблении всех тех, кто погиб в 90-е гг., как не смогший "адаптироваться к рыночным условиям" (будем выражаться политкорректно) - вот основной вопрос, который должен разделять сейчас русских и "западноевропейцев". С точки зрения протестантской этики и европейских ценностей: должно и нужно пренебречь этими несчастными, как не смогшими осуществить свое "призвание" по своей собственной вине, а заодно и

теми несчастными, которые еще десять поколений будут являться, пока русский дух окончательно не выветрится среди тех, кто будет жить на просторах России. С точки зрения православной этики: не может быть гармоничным, устойчивым и благополучным общество, если в нем какая-то часть этого общества страдает, и эти страдания - не их личное дело, как сказал бы протестант, это общая боль всякого русского, всего общества.

Среди всех русских мифов, этот миф о СПРАВЕДЛИВОМ обществе является фундаментальным. Не будет его - не будет и русских.

¹ Русские философы. Антология. - М.: Книжная палата, 1994. - С. 112.

² Ципко А. Миф о русском мифе // Литературная газета. - 2007. - 23 февр.

³ Воспроизводится по изданию 1989 г. (Типы религиозной мысли в России: собр. соч. - Париж: YMCA-Press, 1989.- Т. III. - 714 с.)

⁴ Достоевский Ф.М. Идиот. Ч. 4, VII. - М.: Эксмо.- 2008. - 672 с.

⁵ Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире / А.С. Панарин. - М.: Алгоритм, 2002.

⁶ Бердяев А.Н. Истоки и смысл русского коммунизма. - М.: Наука, 1990.

⁷ Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи / под ред. Н.П. Полторацкого; Изд. Св.-Троицкого Монастыря и Корпорации Телекс Джорданвилл, Н.-Й. США, 1991. - М.: Воениздат, 1993.- 368 с.